

Эдуард ГРАФОВ

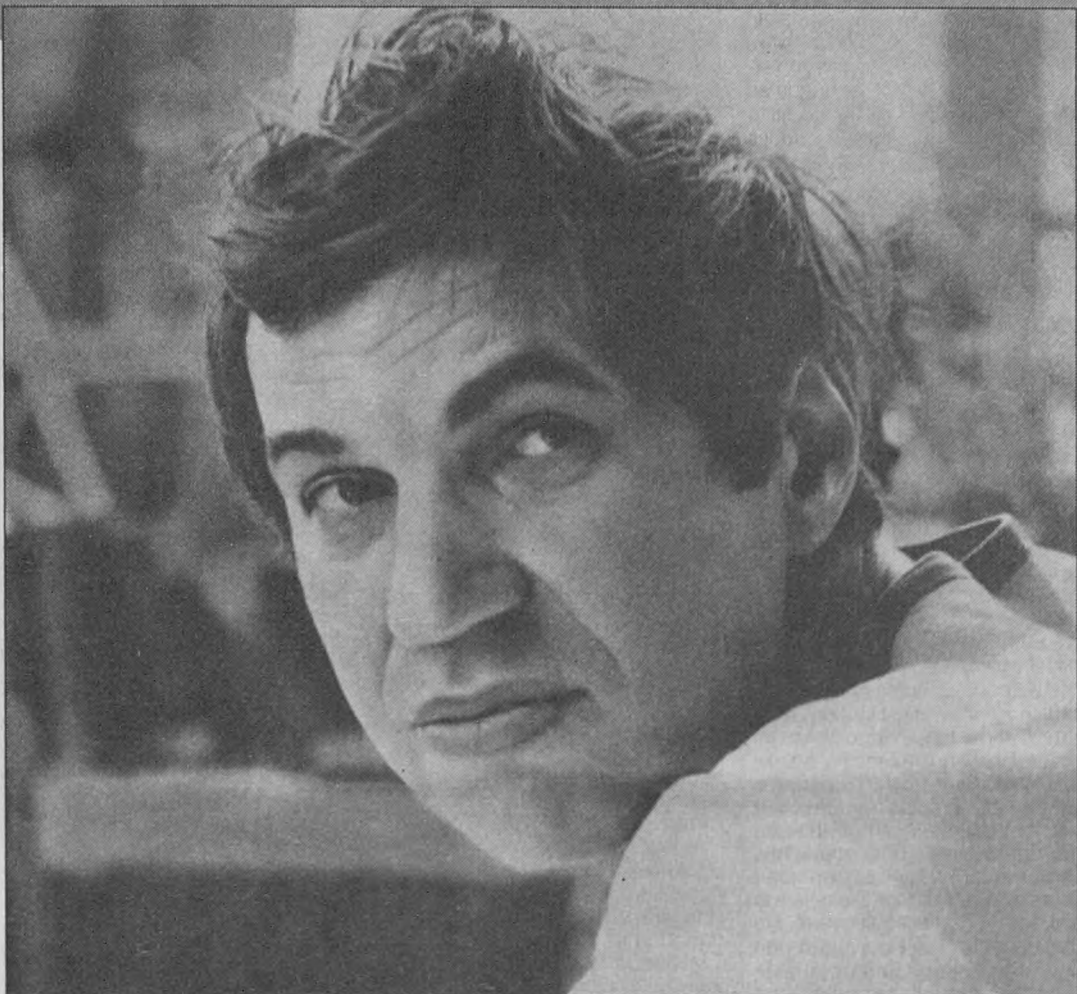
И вот книга «ловно подтолкнула, потребовала. Возможно, вот почему. Она — о сострадании. К себе и, что важнее, — к нам. Его сострадание обращено опытом чистой, не без околичных блужданий жизни.

Хороший рос мальчик, с обнаженным сердцем и распахнутыми глазами.

Пацанята войны, они шефствовали всей школой № 11 над госпиталем. Кругом полуживые люди, уже упакованные в послеоперационные бинты или еще в шинелях — вповалку в коридорах. А за окнами весело звенит трамвай, цветут яблони. Выжившие гоняют футбольный мяч. А обреченные молча глядят своими прощальными глазами.

Впрочем, где война, там ведь и любовь. У нее были ямочки на пухлых щечках, и головку она прелестно склоняла на бок. А Жорка даже танцевать не умел. В мечтах он спасал ее от бандитов и уверял себя, что в мужчине главное не красота, а ум и характер... Познакомился он с ней нескоро. У нее уже были ярко крашенные губы, и пребывала она в замужестве за майором. Послушали вместе патефон, на том и разошлись.

Ах, не с Жоржиной с детства старомодностью было покорять женщин. Все они вроде бы мечтают о сердечном муже, а уходят с майором, который их колотит. Жутко по-

К утру Георгия Буркова не стало

думать, что Жора мог не встретить Таню Уланову. Но об этом позже.

В театральный институт его, конечно, не приняли. Пришел губастый, тощий очкарик, а кругом кудрявые сверстники, бойко исполняющие стихи и басни.

А талантлив он был со всей очевидностью. Вот и оказался без всякого специального образования в театре в Березняках, потом в Перми, потом в Кемерове. А потом уже и в Москве — в Театре имени Станиславского.

Вообще-то в труппе имени великого реформатора на него поглядели не без удивления: худой, сутулый, в толстых очках, драный свитер под стать ветхим штанам, да еще с каким-то провинциальным говорком.

Но был там мудрый, интеллигентнейший Борис Львов-Анохин, который понимал, что такое самобытность. И еще он понимал, что такое хороший человек, и потому возлюбил Жору, как родного сына. А был еще в том театре главным режиссером прекрасный Михаил Михайлович Яншин, сразу полюбивший Жору. И замечательный Женья Урбанский, ставший ему другом. Не то чтобы они Буркову составили протекцию, но рядом с ними жить было как-то увереннее и, если угодно, уютнее.

Да и роли у него неплохо пошли одна за другой.

Но театр — затае зыбкая. Погиб Урбанский, покинули театр Яншин и Львов-Анохин. Жору стали запикивать в массовку.

Влюбился в Олега Ефремова, пошел к нему в «Современник». А через год Ефремов ушел во МХАТ. Бурков вернулся в Театр имени Станиславского. Потом опять к Ефремову — во МХАТ. Потом — в Театр имени Пушкина. И ведь везде играл самым роскошным образом.

Нет, у него был не плохой характер, а честный. Он не хотел и не умел пролезать в партию, правильно разговаривать с директорами театров. Он не мог поступаться в понимании предложенных ролей. Он был творчески непокладист. Что и говорить, на него шел зритель. Но это вовсе не способствовало получению званий и, что гораздо важнее, получению жилья. Утились они с Татьяной черт знает в каких хибарах. И за это надо было еще и платить, из актерской-то зарплат.

А потом, совсем не скоро, в его жизнь вошел Василий Шукшин. Как сказала Татьяна: «Наконец-то в его жизнь пришел тот человек, который думает и живет по тем же правилам, что и он. Они сразу заговорили на понятном им наречии».

Шукшин все ему твердил: «Жора, ты должен писать, ты так здорово рассказываешь. Я так не могу».

Но дружбе их выпал недолгий век. Георгий был последним, кто видел Василия живым, и первым, кто увидел его мертвым. Было это, как вы знаете, на съемках «Они сражались за Родину». Какое символическое название — они оба действительно за нее сражались. Потому что очень ее, Родину, любили.

Не сбылись чаяния Василия Макаровича — не порадовал нас Георгий Иванович рассказы. А книгу все-таки нам оставил, объемную, великодушную. И названную точно — «Хроника сердца». Никаких баек, никакого расщепления собственной жизни. Это автобиография ума и сердца. В среде артистов более строгих и честных размышлений я пока не читал.

А впрочем, он же не собирался эти дневники издавать. Вел их для себя. А может, для Вечности? Туда все спишет.

Какое-то трогательное сочетание строгости и беззащитности. Тихонечко признавался: «Не могу отделаться от очень многих провинциальных черт моего характера: не люблю ездить в такси, не очень-то умею разговаривать по телефону, не умею уверенно сидеть в ресторане». Чего ж тут провинциального? По моим наблюдениям, это все как раз норма интеллигентного человека.

Уж если в чем и был «провинциален» Георгий Бурков, так в не замутненной столичной суетой чистоте мечты и уважении к жизни. Это нам ведь только кажется, что мудрецы иной раз наивны. Мы

Мудрую книгу предложило нам издательство «Вагриус» — дневники Георгия Буркова «Хроника сердца». Я давно, еще при жизни Георгия Ивановича, все собирался написать об этом удивительном актере и драгоценном человеке. Да все как-то...

ошибаемся!

В прессе уже промелькнуло небрежение к книге: честолобивые мечтания выставлены напоказ — и Гамлета с Годуновым сыграть, и романы написать. А где, мол, все это? Дескать, выставлять себя на посмешище умный человек не станет.

Наши насмешливые и, конечно же, ужасно умные критикессы... Усаживаясь за книгу Георгия Ивановича Буркова, надобно бы некоторым усилием вот что уразуметь. Мы вступаем в непростое общение с безмерно одаренным человеком. По уделенному ему таланту он вошел в ряд таких корифеев, как Николай Гриценко, Евгений Евстигнев, Василий Шукшин, Олег Даль. А в чем-то его дар был даже и потаинственнее.

Вот и остается нам невосполнимо жалеть, что не извели мы его чаяний — Дон Кихота, Мефистофеля, царя Федора Иоанновича. Не довелось — ни ему, ни нам. А ведь есть у него в дневниках: «Самое прекрасное в человеке — стремление сделать что-то необыкновенное». Это написал человек, которому было много дано, да мало выдано. Зачем же ему мешали? И его обездолили, и нас.

Георгий платил полным счетом за все — и за право на искусство, и за право жить, как он это понимал. Будучи человеком неизменно естественным, Георгий Иванович и на боль существования глядел без заблуждений: «Мы живем отчаянно лживо, сознательно лживо». Здесь главное слово — «сознательно». Что и расшифровывается: «Живем как будто для того, чтобы в конце, перед последним вздохом, страстно и сладостно отказать от своей лживой и грязной жизни». Конечно, обобщение обычно бывает неточно, но от резона-то не уйдешь.

Правда, и сам себя не щадил — не миновала его «расейская беда». Он понимал, что это лишь «игра в прятки»: «Как люди пьют? Ведь я много знаю. С утра они, милые, заняты поисками выпивки. Выпьют, пошлы разговоры приятные и неприятные — все равно не настоя-

щие. Игра в человеческую жизнь». Такая вот горькая беда!

Я понимаю — театр, кино, литература! Но в жизни ранимого, одинокого в этом мироздании Буркова была еще и Татьяна. Четверть века подряд его жена, а потому — верный друг.

Они познакомились в феврале 1965 года у до-ски объявлений за кулисами театра — оба вызывались на репетицию «Маленького принца». Таня вспоминает: «Сердце заколотилось, почему-то возникла материнская нежность, и это чувство не покидало до конца, до последних его минут в больнице».

В июне расписались в загсе, и их тут же изгнали из общежития при театре. На свадьбе она была в школьном выпускном платье и рваных башмаках. Жора в это время работал на «разовых», то есть получал 1 руб. 50 коп. за выход в роли солдата в «Ученике дьявола».

«Нам было здорово! — вспоминает Таня. — Да, здорово, ходить пешком в театр, когда пятаков на метро нет, съесть вечером суп из пакета и выпить дешевого вина, а главное — говорить, говорить — обо всем!» Они ездили ночевать у разных друзей. Взяли в театральный реквизите матрас из «Сайлемских ведм», с матрасом и ездили.

Татьяна очень его любила, светло, преданно. Зачем же столь неурочно ушел от нее восхищенно обожаемый Мастер? Жизнь у нее его отняла: «Если кто убийца, так это та жизнь, которая часто не по делу мучила, терзала, отнимала силы и здоровье и за которую он в один прекрасный день перестал бороться. Просто устал». А если верить врачам, умер он 19 июля 1990 года в 1-й городской больнице с диагнозом — тромбозомболия. У врачей — свой диагноз, у жены — свой.

Нет, любовь не сильнее смерти! Как видите.

В дневниках Георгия Ивановича Буркова: «Все мое несчастье в том, что я живу, как ночная бабочка, которой суждено жить в дождливую ночь».

К утру его не стало.